

САВЧЕНКОВА Мария Игоревна — бакалавр Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова (Россия, 107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 28; savchenkova.maria@mail.ru); <https://orcid.org/0009-0008-9626-6108>

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В СОВРЕМЕННОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Аннотация. В статье рассматривается политический кэнселинг в современном исследовательском дискурсе. Популярное как в общественно-политическом, так и научном измерении явление «культура отмены» стало необратимым трендом современной мирополитической системы. Научная новизна исследования заключается в попытке изучить исторические и теоретико-философские корни применения технологии кэнселинга во внешней политике государств. Автор исследует культуру отмены с опорой на частные нелиберальные теории, концептуализирующие применение кэнселинга в мировой политике.

Ключевые слова: культура отмены, кэнселинг, «новая этика», неолиберализм, антибрендинг, мягкая дегитимация, социальная сила

Человечество живет в эпоху перемен, которые интенсифицируются процессами цифровизации, сетевизации и модификации мирополитической системы. Такого рода метаморфозы неизбежно влекут за собой трансформацию общества и обуславливают появление новых научных концептов и категорий. Одним из подобных стихийных явлений считается феномен культуры отмены (*cancel culture*), который концептуально оформился в XXI в. Набирающий силу исследовательский интерес к культуре отмены привлек специалистов гуманитарных наук к фундаментальному изучению концепта.

В академическом дискурсе концептуально-теоретическое оформление культуры отмены, или кэнселинга (*cancelling*) происходит постепенно и деликатно, поскольку отсутствует общепринятое определение феномена. Так, авторитетный Кембриджский словарь трактует культуру отмены как «способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-то, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет»¹. Однако данная формулировка лишь косвенно касается политической плоскости, в связи с этим представляется целесообразным обратиться к толкованию явления отечественными представителями академических кругов.

Профессор С.В. Чугров характеризует культуру отмены как орудие политического контроля [Чугров 2022: 90]. Он рассматривает данный феномен сквозь призму логического позитивизма, который, объединившись с американским прагматизмом и развитием информационно-коммуникационных технологий, встроился в практикоприменимую технологию по продвижению универсальных ценностей, выдвинутых Западом.

О.Г. Щенина толкует культуру отмены как социальную технологию, применимую в различных сферах, в т.ч. в мировой политике [Щенина 2023:

¹ Cancel culture. — *Cambridge Dictionary*. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture?ysclid=1vc6scpeve385627650> (проверено 23.04.2024).

117]. Она сосредоточивает внимание на процессе цифровизации современного общества, который сыграл ключевую роль в оформлении феномена. Основополагающие каналы культуры отмены способны функционировать благодаря существованию новых медиа. Исследователь делает акцент на социальности взаимодействий между субъектами, в частности в цифровой реальности.

Л.Р. Рустамова определяет культуру отмены как политический инструмент, позволяющий странам использовать общественное мнение в целях межгосударственного противоборства [Рустамова, Иванова 2023: 437]. На ее взгляд, в эпоху развития Интернета кэнселинг стал катализатором политизации тех сфер жизни общества, которые исконно считались аполитичными: искусства, спорта, религии и др.

Экстраполируя взгляды отечественных исследователей на определение культуры отмены, важно выделить два фактора, объединяющих трактовки ученых. Во-первых, культура отмены сопряжена с социальными императивами, т.е. ее следует понимать как альтернативный механизм реализации общественных взаимодействий. Кэнселинг отличает то, что он выступает как социальная норма, вызывающая скорее социальные, чем юридические санкции. Во-вторых, катализатором кэнселинга стал научно-технологический прогресс и информатизация общества: явление «отмены» попросту не получило бы такие колоссальные обороты без существования новых медиа и социальных сетей.

Отечественному подходу к пониманию культуры отмены откликаются и наработки западных исследователей. Представитель гарвардской школы социальной философии П. Норрис описывает культуру отмены как попытку подвергнуть социальный субъект ostracismu за нарушение общественных норм [Norris 2023: 146]. При изучении феномена она опирается на теорию спирали молчания Э. Ноель-Нойман [Noelle-Neumann 1974: 45]. Согласно теории спирали молчания, если индивид находится в меньшинстве, то он склонен скрывать свое мнение, а являясь частью большинства, наоборот, предрасположен к более открытому выражению. Квинтэссенцией в концепте культуры отмены с позиции теории спирали молчания является общественное мнение.

При раскрытии категории культуры отмены представляется важным обозначить, что кэнселинг тесно сопряжен с концепцией «новой этики». Это системный процесс, который длится с начала последнего столетия и развивается в социальной сфере. Его суть сводится к повышенному вниманию к морализму, харассменту, дискриминации меньшинств и к явной идеологической ангажированности. В российских научных кругах некоторые исследователи называют культуру отмены прямым синонимом «новой этики» [Коктыш, Ренард-Коктыш 2021: 33]. Другие же склонны делегировать культуре отмены роль практического инструмента в реализации политики «новой этики» [Топилина 2023: 206]. В зарубежных академических сообществах культура отмены становится предметом дискуссии, поскольку ее можно рассматривать как своеобразный пример нормативного напряжения между свободой слова и выражением инакомыслия [Novelli 2023: 2].

Современный тренд на «отмену» хотя и является новым инструментом внешней политики, но имеет глубокие истоки. Практика кэнселинга, или изгнания является закономерным паттерном в развитии общества, уходящим корнями к библейским временам. Так, со времен Ветхого Завета была сформулирована концепция «козла отпущения» — символический обряд, в рамках

которого случайно «избранного» животного выпускали в пустыню с целью искупления грехов человечества¹.

В Древнем мире кэнселинг легитимировался в формате института остракизма, функционировавшего в Афинах и других полисах античной Греции. Термин «остракизм» обязан своему происхождению глиняным черепкам, именуемым остраками, на которых афиняне писали имена лиц, заслуживающих изгнания. Остракизм являлся проявлением демократии и считался скорее превентивной мерой, нежели наказанием [Суриков 2005: 124]. Изгоняемых граждан исключали из полиса на 10 лет с сохранением по возвращении имущественных и политических прав. Подобный механизм позволял убирать с политической арены неугодных государственных деятелей. Так, например, жертвой остракофории стал Фукидид. Его политический вес был больше, чем у Перикла, который после изгнания Фукидида, по словам Плутарха, стал обладателем единоличной власти [Плутарх 1994: 16].

«Отмена» порицаемых личностей осуществлялась и в других, менее демократичных уголках античного мира, однако специфика заключалась в том, что изгнание из общества сопровождалось попыткой «стереть» отвергнутого из памяти. Жертвой кэнселинга стали деспотичные императоры Калигула и Нерон, чьи имена были стерты с надгробий в попытках вычеркнуть их из истории римского народа. Подобный ритуал совершали и древние египтяне, соскабливая с плит имена отчужденных обществом фараонов [Чугров 2022: 92]. Проведение подобных обрядов доказывает, что культура отмены тесно сопряжена с политикой памяти. Историческая память является одним из объектов атаки культуры отмены, в результате чего исторический имидж личности, компании, народа или целого государства может сильно пострадать.

В Средние века квинтэссенцией жизнедеятельности европейского человека стала религия. Кэнселинг трансформировался под общепризнанные догматические ценности, и «отмена» осуществлялась посредством интердикта или анафем (отлучение от церкви). В истории как православной, так и католической церкви существует масса примеров «отмены» того или иного народа или личности по причине достижения внешнеполитических интересов. Например, борясь с псковским князем Александром, православный митрополит Феогност отлучил его и всех псковичей от церкви до тех пор, пока горожане не выдадут своего князя на расправу московскому князю [Трекулов 1964: 19]. Западное духовенство «отменяло» иноверцев с помощью инквизиции. Сжиганию предавались не только люди, но и книги, научно-технические изобретения и в целом любые предметы, которые могли показаться церкви «отклоняющимися от нормы». Это серьезная попытка стереть какие-либо исторические сюжеты из коллективной памяти европейских народов.

В Новое время были опробованы первые эксперименты кэнселинга целых государств, однако сделать это было сложно ввиду слабой степени взаимозависимости между государствами и незначительного влияния на них структуры международных отношений. Например, известны случаи ограничения некоторыми европейскими монархами политических и экономических связей с Московской в XVI в., о чем пишет австрийский дипломат С. Герберштейн [Мусалитина 2023: 18].

---

¹ Козел отпущения. — *Правмир*. 26.09.2011. Доступ: <https://www.pravmir.ru/koz-el-otpushhe-niya/?ysclid=lpju4e5p1v486416886> (проверено 22.04.2024).

С течением времени модернизирующаяся система международных отношений внесла ряд коррективов, в результате которых легитимно «отменить» государства стало крайне затруднительно. Вестфальские правила после Второй мировой войны обрели легитимную институционализацию в формате Устава ООН. Культура отмены в качестве политической технологии эволюционировала, и в западном политологическом дискурсе появились новые попытки кэнселинга государств.

Политическая ксенофобия, осуществляемая во второй половине XX в., была нацелена на отмену «чужих» режимов. Так, в 1990-е гг. укоренилось зонтичное понятие государств-изгоев (*rogue states*) [Орехова 2017: 85]. Впервые в 1985 г. Р. Рейган назвал Ливию, КНДР, Кубу, Никарагуа и прочие государства членами «корпорации убийств». Затем Э. Лейк, советник президента по национальной безопасности в период администрации Б. Клинтона, внедряет в политологический дискурс концепцию стран-изгоев для характеристики государств, которые, по его мнению, пренебрегали международным правом и спонсировали террористические организации. Концепция Э. Лейка была простой, логичной и легко воспринималась либеральными кругами; американцы начали ситуативно использовать данный термин, причисляя к «изгоям» и другие государства, у которых во внешней или внутренней политике проявлялась антиамериканская риторика.

После терактов 2001 г. при администрации Дж. Буша-мл. трактовка стран-изгоев трансформировалась в более узкий круг особо опасных для США государств, получивших название «ось зла» (*axis of evil*), в число которых вошли Ирак, КНДР, Иран [Ахмедова 2011: 11]. В стратегии национальной безопасности США 2002 г. «силам зла» противостояли «силы добра», олицетворяющие западные универсальные ценности. Впоследствии к «оси ненависти» в общественной риторике СМИ причисляли и другие государства, не поддерживающие западные универсальные ценности, ставшие своего рода «нормой», отклонение от которой причисляло страну к ряду «изгоев».

Параллельно с встраиванием практик кэнселинга в американскую государственную риторику антиуниверсалистские нарративы продолжили трансформацию в виде неолиберальных теорий [Рустомова, Адрианов 2023: 40]. Своего рода мутацию, например, пережила концепция «мягкой силы», которая по задумке ее идейного вдохновителя Дж. Наю мл., представляла собой механизм достижения национальных интересов посредством привлекательности внешней политики, идеологических ценностей и культуры [Нуе 1990: 181]. Однако «красота в глазах смотрящего», а смотрящий может отличаться ценностными ориентирами. В результате возникла дискуссия, предметом которой стало определение аттрактивности государства.

Когда в мировых рейтингах по продвижению «мягкой силы» высокие позиции стали занимать такие страны, как Китай и Россия, продвигающие собственные приоритеты, местами отличные от оригинальных ценностей Наю, связанных с признаками «новой этики», либералами была предпринята попытка концептуализировать дискредитацию «мягкой силы» конкурентов. Так, американские исследователи К. Уокер и Дж. Людвиг выдвинули концепцию «острой силы» (*sharp power*). Идея напрямую связана с теоретизацией кэнселинга. Сложилась следующая закономерность: демократичное государство, продвигающие либеральные ценности, наращивает потенциал своей «мягкой силы» посредством привлекательности и демократических инструментов, например публичной дипломатии. Авторитарное же государство, к

коим причислили Россию, Китай и др., если проецирует свои ценности, то посредством манипуляций и пропаганды.

Другим примером неолиберальной теории, встраивающимся в логику культуры отмены, является концепция «социальной силы» (*social power*). В 2013 г. исследователь публичной дипломатии Питер ван Хам опубликовал работу «Социальная сила в публичной дипломатии», в которой он определяет «социальную силу» как способность государства устанавливать стандарты, создавать нормы и идеалы, которые считаются законными и желательными международным сообществом, не прибегая к принуждению или оплате [Van Ham 2013: 19]. Нормотворческая функция теории стала проводником к практике кэнселинга.

Согласно концепции «социальной силы», если государство демонстрирует противнику его несоответствие общепринятым нормам и стандартам, оно может оценить действия соперника как нелегальные, и такой процесс детальнее объясняется концепцией мягкой делигитимации (*soft disempowerment*), выдвинутой П. Браннаганом [Brannagan, Giulianotti 2015: 706]. В более поздних работах, посвященных мягкой делигитимации, например в статье И. Манора, теория обрастает ключевыми базисами [Manor 2023: 308]. Мягкая делигитимация – это действия или бездействие государства, которые в конечном итоге приводят к озабоченности, оскорбляют или отталкивают других, что приводит к потере доверия и привлекательности. Теория мягкой делигитимации становится безупречной концептуальной иллюстрацией политики «новой этики», а ее преобладающим инструментом – культура отмены.

Попытки легальной дискредитации государств на мировой арене также вписываются в фарватер концепции антибрендинга. Произросла она из теории национального брендинга в маркетинге. В политическом дискурсе национальный антибрендинг был раскрыт Дж. Брауном как продуманная кампания, намеренно проводимая государством с целью дискредитации международного имиджа конкурента и приводящая к сокращению возможностей соответствующей страны транслировать свою «мягкую силу» [Браун 2018: 113]. Практика определять правильным, истинным и привлекательным то, что удобно или выгодно самому, уходит своими корнями в философию позитивизма. К. Поппер, представитель постпозитивизма, некогда выдвинул принцип фальсификационизма, опирающийся на некий критерий рационального согласия. То есть, какой-либо факт или знание принято считать верным и истинным только в случае его одобрения авторитетными учеными и экспертами. В результате западная «новая этика» с инструментарием в формате культуры отмены стала последствием внедрения позитивистских начал из философии науки в политическую практику.

Логическое завершение исследования проявляется в концентрации вышесказанного в виде трех обобщающих выводов. Во-первых, культура отмены невозможна без политики «новой этики», наполняющей общество «универсальными» стандартами, и цифровых ресурсов, создающих каналы, по которым «отмена» распространяется. Во-вторых, культура отмены обладает некой нормотворческой функцией, поскольку через практику кэнселинга утверждаются те или иные субъективные стандарты. В-третьих, интенсификация тенденции на кэнселинг неизбежно приводит к консолидации «отмененных» и порождает появление релевантных теорий по противодействию «отмене». Предполагаемым результатом может стать концепция контркэнселинга, в которой будут использоваться комплементарные самой «отмене»

инструменты, но направлены они будут, напротив, на сплочение жертв кэнселинга и популяризацию оппозиционных ценностей. В данном контексте следует упомянуть выдвинутую А.В. Фененко концепцию «антимягкой силы» [Фененко 2020: 66], которая набирает популярность в российской школе международных отношений. Несомненно, «отмененным» государствам, таким, как Россия, стоит анализировать и выдвигать собственные теории, соответствующие государственному курсу, искать варианты интеграции с такими же «пострадавшими» и наращивать потенциал стратегического и информационного суверенитета с параллельным расширением инструментов цифровой дипломатии и налаживанием контактов по линии «второго трека» (*Track-II*) [Velikaya 2019: 61].

В заключение представляется важным отметить, что переход к новому – информационному – типу общества обусловил появление метаморфоз в механизмах социального взаимодействия. Такого рода перемены воплотились, в частности, в концепте культуры отмены. Тренд на кэнселинг оказывается в фокусе повышенного внимания как исследователей-международников, так и политтехнологов. С позиции теоретических соображений практика культуры отмены находит отклик в частных неолиберальных теориях, построенных на легализации порицания государств на мировой арене. С прикладной точки зрения необходимо подчеркнуть глубокие исторические корни кэнселинга, применяемые во внешней политике государств в разные эпохи. В современных условиях культура отмены становится одним из инструментов геополитического противоборства государств, а номенклатура сфер, которые подвергаются кэнселингу, постоянно расширяется. Можно прогнозировать, что такой тренд приведет к возникновению более тесного сотрудничества «отмененных» акторов, что является логичной ответной реакцией. Растущая роль культуры отмены как инструмента внешней политики, таким образом, приведет к усилению непредсказуемости в международных отношениях и ухудшению глобальной стабильности.

Список литературы

- Ахмедова Л.Ш. 2011. Стратегия национальной безопасности США в свете событий 11 сентября 2001 года. – *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. № 2. С. 9-13.
- Браун Дж. 2018. Антибрендинг России в американских медиа: освещение сочинской Олимпиады. – *Международные процессы*. Т. 16. № 2. С. 91-121.
- Грекулов Е.Ф. 1964. *Православная инквизиция в России*. М.: Наука. 129 с.
- Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.К. 2021. Когнитивное измерение безопасности. – *Международные процессы*. Т. 19. № 4(67). С. 26-46.
- Мусалитина Е.А. 2023. Повышение акцептации российской культуры в условиях эскалации культуры отмены. – *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. № 2(66). С. 17-23.
- Орехова В.Д. 2017. «Государства-изгой» как одна из вариаций образа «Другого» во внешней политике США. – *Актуальные проблемы современных международных отношений*. № 10. С. 83-89.
- Плутарх. 1994. Перикл. – *Сравнительные жизнеописания в двух томах*. Т. II. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука. С. 15-17.
- Рустамова Л.Р., Адрианов А.К. 2023. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 37-53.

Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. 2023. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Политология. Т. 25. №2. С. 434-444.

Суриков И.Е. 2005. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена. — *История и современность*. № 2. С. 113-130.

Топилина А.В. 2023. Культура отмены как репрессивный инструмент «новой этики». — *Философия права: научно-теоретический журнал*. Ростов н/Д. № 2(105). С. 204-211.

Фененко А.В. 2020. Анти-мягкая сила в политической теории и практике. — *Международные процессы*. Т. 18. № 1(60). С. 40-71.

Чугров С.В. 2022. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 88-98.

Щенина О.Г. 2023. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования. — *Вестник Института социологии*. Т. 14. № 4. С. 112-127.

Brannagan P., Giulianotti R. 2015. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football's 2022 World Cup Finals. — *Leisure Studies*. Vol. 34. No. 6. P. 703-719.

Manor I. 2023. It's a Mad World. — *The Routledge Handbook of Soft Power*. P. 304-313.

Noelle-Neumann E. 1974. The Spiral of Silence: A Theory of Public Opinion. — *Journal of Communication*. Vol. 24. No. 2. P. 43-51.

Norris P. 2023. Cancel Culture: Myth or Reality? — *Political Studies*. Vol. 71. No. 1. P. 145-174.

Novelli C. 2023. Cancel Culture: An Essentially Contested Concept? — *Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization*. Vol. 3. No. 1. P. 1-5.

Nye Jr. J.S. 1990. The Changing Nature of World Power. — *Political Science Quarterly*. Vol. 105. No. 2. P. 177-192.

Van Ham P. 2013. Social Power in Public Diplomacy. — *Relational, Networked and Collaborative Approaches to Public Diplomacy. The Connective Mindshift* (ed. by R.S. Zaharna, A. Arsenault, A. Fisher). Routledge, Oxon. P. 17-28.

Velikaya A.A. 2019. Russian–U.S. Public Diplomacy Dialogue: a View from Moscow. — *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 15. No. 1. P. 60-63.

SAVCHENKOVA Mariia Igorevna, of Bachelor, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, MMGU (28 Sretenka St, Moscow, Russia, 107045; savchenkova.maria@mail.ru); <https://orcid.org/0009-0008-9626-6108>

CANCEL CULTURE IN CONTEMPORARY RESEARCH DISCOURSE: THEORETICAL AND HISTORICAL DETERMINANTS

Abstract. *The article considers political cancelling in the modern research discourse. Popular in both socio-political and scientific dimensions, the phenomenon of cancel culture has become an irreversible trend of the modern international relations. The scientific novelty of the research lies in the attempt to study the historical and theoretical-philosophical roots of the application of cancelling technology in the foreign policy of states. The author explores the cancel culture with reference to the particular neoliberal theories to conceptualise the usage of cancelling in world politics.*

Keywords: *cancel culture, cancelling, new ethics, neoliberalism, anti-branding, soft disempowerment, social power*